

образом, становится важным и хронологическое уточнение этапов этого процесса.

До сих пор преимущественное внимание в нашей историографии, что, безусловно, справедливо, уделялось выяснению роли рабства, колоната, эволюции крупного землевладения. Значительно хуже изучалась социальная эволюция господствующего класса. В результате исследований последних десятилетий ранневизантийское общество перестало рассматриваться как immobile, неразвивающееся. Наоборот, в последние годы специалисты все более склонны подчеркивать повышенную социальную мобильность, нередко теперь преувеличивая значение и размах этих процессов.

Спор о ранней Византии IV—VI вв. как о безусловно феодальном обществе в свете новых данных, по-видимому, становится все более беспредметным. Как теперь доказано, ранневизантийский колонат никак не трансформировался в формы феодальной зависимости. То, что в ранней Византии рабство не было широко распространено, также не дает особых оснований рассматривать это обстоятельство как возникновение предпосылок к феодализации уже в III в. Даже если связывать проблему рабства с городом и отчасти с крупным землевладением, то граница возникновения феодального общества также отодвигается к VII в. — времени массового упадка городов и крупного землевладения.

Современные исследователи не рассматривают эпоху IV—VI вв. лишь как время только упадка и разложения. Картина развития общества представляется несколько более сложной. Даже в острее переживавшей кризис античного общества западной половине Римской империи обнаруживаются черты определенного «позднеантичного» подъема, связанного с переходом к колонату, оживлением городской жизни и торговли⁸. Тем более это относится к ранней Византии. Есть все основания говорить об определенной цикличности, о стадиях позднеантичного развития, а следовательно, о достаточно сложной и противоречивой эволюции различных социальных сословий и групп.

Если обратиться к вопросу об источниках для изучения эволюции социальной структуры ранневизантийского общества, то ряд исследователей⁹ считают, что данные законодательства IV—V вв. детально изучены и дальнейшая работа над ними может мало что дать для решения этой проблемы. Работы В. Шуберта и Д. Айбах опровергли подобное мнение. Одна из характерных тенденций современной историографии состоит в том, чтобы более пристально оценить законодательный материал с учетом внутренних закономерностей развития социальных сословий и групп, эволюцию их интересов, влияния этих интересов на законодательную деятельность. Именно потому, что в своих работах В. Шуберт и Д. Айбах¹⁰ выразили эту тенденцию, они и смогли внести заметные коррективы в сложившиеся представления об этапах развития колоната и темпах упадка сословия курiales.

⁸ Кузицин В. И. Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества // ВДИ. 1974. № 3; *Он же*. Некоторые проблемы древней истории в свете ленинских идей: (к 110-летию со дня рождения) // ВДИ. 1980. № 1.

⁹ См., например: Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976. С. 227.

¹⁰ Schubert W. Die rechtliche Sonderstellung der Dekurionen (Kurialen) in der Kaisergesetzgebung des 4.—6. Jahrhunderts // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung. Weimar, 1969. Bd. 86. S. 287—333; Eibach D. Untersuchungen zum spätantiken Kolonat in der kaiserlichen Gesetzgebung unter besonderer Berücksichtigung der Terminologie. Köln, 1977.